

— Материалы? Вау, это звучит забавно.

Если остались только материалы, значит, Кандзаки сделал их сам. После таких слов ему вряд ли было что возразить. Хаяма не мог сдержать улыбку. Даже не видя выражения лица Кандзаки, он легко мог представить, как тот подёргивает уголок рта.

— Ээ... Как бы это объяснить, я был очень одинок, поэтому тогда я... что-то вроде этого.

— Слышать такое от самого человека немного странно — но я понимаю, что ты имеешь в виду.

Хаяма немного подумал и спокойно сказал:

— На самом деле, я, возможно, такой же, как ты.

— Такой же?

Достав из шкафа первую попавшуюся вещь, Хаяма без смущения снял рубашку. Это действие было немного рискованным, хотя он не знал, что думает Кандзаки, но Хаяма испытывал к нему симпатию.

Конечно, не просто дружескую.

Это было его достоинство — хотя он выглядел спокойным, он был очень чутким к различным эмоциям. Хотя он был худощавым, как парень, он не стеснялся признавать свои чувства, в отличие от некоторых девушек вокруг. Но выразить их словами всё же было сложно — это было немного противоречиво.

Однако, если бы Кандзаки не был духом, а настоящим живым человеком, и ему не нужно было бы носить ярлык «экзорциста», Хаяма, вероятно, уже признался бы в своих чувствах. Меньше недели общения, и он уже испытывал такие эмоции, что было похоже на «любовь с первого взгляда».

Признай, это всё из-за его любви к красивым лицам. Но пока он сдерживал себя, по крайней мере, до восстановления своих способностей, чтобы подумать о дальнейших шагах.

— Наверное, это последствия сиротства? Я очень боюсь слишком сблизиться с людьми.

— Рин...

— Позволь мне временно использовать тебя как «дерево для исповеди».

— Не знаю, как объяснить... У меня есть психологические травмы, поэтому я боюсь.

Кандзаки, вероятно, не понимал, но это были факты. Объективно говоря, заставляя Кандзаки слушать свои жалобы было немного эгоистично. Если бы его самого вдруг заставили выслушивать чьи-то печальные истории, он бы тоже не проявил терпения.

Но Кандзаки слушал. Несколько раз Хаяма пытался убедить себя, что Кандзаки просто не имел других контактов и поэтому так легко поддавался его словам. Но такая доброта согревала его сердце.

— Чёрт, зачем я тут жалуюсь? Тебе не надоело?

— Нет.

Судя по направлению голоса, Кандзаки был совсем близко, и Хаяма гадал, что он сейчас делает. Он просто мечтал, но ему очень хотелось обнять Кандзаки.

— У меня немного рябит в глазах.

Нажав на виски, он почувствовал лёгкую боль. «Слишком ленив», — подумал он, закрывая глаза, чтобы снять напряжение.

— Может, твоя духовная сила слишком велика, и я не справляюсь?

— Что?

— Нет, просто шучу.

Хотя это было возможно. Если дух слишком силён, это может негативно повлиять на тело, в котором он находится. «Кандзаки — просто привязанный к земле дух, у него нет такой силы», — подумал Хаяма, вздохнув и зевнув.

— Звучит так, будто я хвастаюсь...

— Ха, я не разбираюсь, но думаю, Рин — очень сильный человек.

— Да? Спасибо. Ха — ах, я вдруг так устал, я что, старик?

Хаяма покачал головой и надел рубашку. В комнате было пусто, и это казалось очень одиноким.

Говоря, что не нужно беспокоиться, он всё же чувствовал лёгкую тревогу, что было неизбежно. Но Хаяма отличался от других тем, что умел успокаивать себя — это был своего рода оптимизм.

— Может, мне стоит заказать очки.

— Очки?

Хаяма кивнул.

— Через стекло обычно видно лучше. Похоже, это правило я видел в фильмах не раз, иногда я сомневаюсь, были ли сценарии написаны обычными людьми... Ах, звучит как-то странно.

Подбирать слова было сложно, Хаяма это понимал.

— В детстве у меня была близорукость, но к старшей школе я вылечился.

— Ээ, близорукость можно вылечить?

— Не недооценивай современную медицину... Хотя, шучу. Это не самый достойный способ, поэтому я не хочу рассказывать.

Это было похоже на попытку подразнить Кандзаки, хотя если он не хотел говорить, лучше было вообще не начинать тему. Хаяма мысленно посмеялся над собой — это не было в его стиле.

— Ха, ладно. Если коротко, эти глаза не мои.

— Ээ.

Кандзаки замолчал, и даже ощущение его духовного давления исчезло, что означало, что он отдалился. Конечно, кто бы не испугался, услышав такое?

Думая, как лучше объяснить, Хаяма спокойно сказал:

— Ээ... Я говорил, что я сирота?

— Ах, да, да... Ты упоминал пару раз, я помню.

Он всё ещё держал в руках снятую одежду, что было немного неудобно. Раз уж её нужно было бросить в корзину, Хаяма просто бросил её на пол. Ощувив атмосферу, он понял, что в комнате стало душно, и открыл окно.

И тут же пожалел. Открыв окно, он вынужден был закрыть его из-за порыва ветра. Несколько минут назад казалось, что ветер стих, но это было лишь временное затишье.

— Ветер сошёл с ума.

Рассчитав расстояние, Хаяма просто упал на кровать. Как всегда, кровать была самым притягательным местом. Он привык не складывать одеяло, а просто расправлять его. Ощущение мягкого одеяла, обвивающего тело, было лучшим, он всегда так думал.

— Кандзаки, я раньше пытался рассказывать о своей семье другим — знаешь, почему я потом перестал?

Задавая такой вопрос, он не мог понять, что вдруг нашло на него. Он просто пользовался тем, что Кандзаки не общался с другими и мог терпеливо слушать его болтовню. Любой другой человек, услышав такое, вряд ли сдержался бы.

— Что случилось?

Вот, Кандзаки снова так мягко принял его слова. Хаяма вдруг понял, что это тоже причина, по которой его привлекал этот дух. Хотя он убеждал себя, что это лишь из-за его внешности, теперь, когда он «слеп», он не мог видеть это лицо, но это не вызывало разочарования, а наоборот, усиливало интерес.

Это значило, что его чувства уже не ограничивались внешностью, и Хаяма осознал это.

— Ха.

Хаяма вздохнул.

— Мне сказали что-то вроде «ты отвратителен».

То есть, жаловаться Кандзаки было своего рода зависимостью. Как только он осознал свои чувства, он почувствовал, что не может отпустить.

— Отвратителен... Это слишком.

— Нормально. Сначала я расстроился, но потом понял, что они не ошибались.

Хаяма глубоко вдохнул, потянулся, чтобы глубже погрузиться в одеяло. Пока постель была

холодной, но через некоторое время она согреется.

— Нет, сегодня я действительно устал... Кандзаки оказался сильнее, чем я ожидал.

Подняв руку, он попытался сжать пальцы, но ощущение было странным, как будто это была не его рука. Насколько он устал?

— Ты, наверное, считаешь, что я раздражаю, когда бросаю фразы на полпути...

Думая о том, что с момента их знакомства он так и не закончил ни одной истории, Хаяма понимал, что Кандзаки был терпеливым слушателем. Если он действительно хотел углубить их отношения, нужно было объяснить всё как следует.

Я случайно поставил чайник на пол.

А потом случайно наступил на него, прямо на металлический носик.

Теперь я хромой.

<http://bllate.org/book/16196/1453324>